

12. Жирмунский В.М. Сказание об Идыге // Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука. 1974.

13. Мелиоранский П.М. Сказание об Едигее и Токтамыше // Записки ИРГО по Отделению этнографии. Приложение к Т. XXIX. СПб. 1905.

14. Потанин Г.Н. Тюркская сказка об Идыге // Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии Императорского Русского географического общества. СПб. 1898. Вып. 3-4.

15. Бартольд В.В. Церемониал при дворе узбекских ханов // Сочинения. М.: Наука. 1964. Т. 2. Ч. 2.

16. Предания, легенды и мифы саха (якутов) // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука. 1995.

17. Ахметова Ф.В. Эпические параллели якутской Эллэйады и татарских дастанов // Тезисы докладов областной научной конференции по лингвистике. Омск. 1984.

18. Джангар. Калмыцкий героический эпос. М., 1990.

19. Хабунова Е.Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста, 1998.

20. Джангар. Эпический репертуар Мукебюна Басангова. Элиста, 1988.

21. Бурькин А.А. Индивидуализация образов персонажей как средство композиции и сюжетообразования в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // *Studia Culturae*. Вып. 3. СПб., Философский факультет СПбГУ, 2002. С. 79-94.

*А.А. Бурькин
Т.Г. Басангова*

Страна Бумба в калмыцком эпосе “Джангар”

Страна Бумба представляет собой основное место действия песен калмыцкого героического эпоса “Джангар”. Соответственно представления об этой эпической стране могут рассматриваться как минимум в двух аспектах. Во-первых, страна Бумба – это особое художественное пространство эпоса, которое заполнено ирреальными географическими объектами и населено эпическими героями. Во-вторых, страна Бумба, где живут и действуют герои эпоса

“Джангар” - это некий идеальный мир и идеальное государство, где буквально все является совершенным – природа и климат, люди и животные, правитель и те, кто ему служит – богатыри-сподвижники Джангара, правителя страны Бумбы.

Название эпической страны Бумбы, в которой, как считает большинство исследователей эпоса “Джангар”, воплотились представления об идеальном мире и государстве, и которая таким образом представляет своего рода эпическую утопию, имеет сложную историю. Предполагается, что в основе названия Бумба лежит название мифического моря или океана Бум-дала. Само слово бумба является названием сосуда для священного нектара-аршана в виде изящного кувшина. Маковка в виде сосуда-бумбы венчает ламаистский храм. Исследователи “Джангара” считают, что название богатырской страны Бумбы является контаминацией слов бум – названия океана и бумба – названия священного сосуда¹. В самом деле: контаминация этих слов, одно из которых обозначает географическое понятие: а второе – культовый предмет, могло привести к закреплению за названием Бумба обозначения некоей пространственной сферы, все содержимое которой мыслится как сакрализованное, идеальное, возвышенное. С.А.Козин полагал, что использование слова Бумба в качестве эпитета к океану, реке, стране, дворцу, сосуду с освященной водой является синонимичным понятиям “священный”, “заветный”²; в некоторых переводах “Джангара” на русский язык калмыцкое слово “Бумб” в позиции эпитета передается как “державный”. Как нам кажется, слово “Бумба” в названиях океана или реки, а также прилагательное “бумбайский”, которым переводится калмыцкий эпитет “Бумб” не представляют собой ни особых переносных значений имени собственного “Бумба”, ни сакрализующего эпитета: мы полагаем, что в этих случаях слово “бумб” используется в качестве маркера сферы действия, к которой принадлежат географические объекты (океан, река) или масштабные артефакты (дворец Джангара и т.п.), а стилистическая маркированность этого эпитета задается определяемыми им словами.

Художественное пространство эпоса “Джангар” по крайней мере в некоторых текстах соответствует таким религиозным представлениям об устройстве мира, какие характерны для народов Центральной Азии и Северо-Востока Азии; согласно этим представле-

ниям мир делится на три сферы – верхний, средний и нижний мир. Средний мир является обителью людей, в других мирах обитают сверхъестественные существа – божества или демоны. В песнях из малодербетовской версии “Джангара” действие смещается в верхний мир, где живут демоны-шулмусы: их хан Кюрюл-Эрдэни, эпический противник Джангара, одерживает над ним победу и уносит Джангара в верхний мир. Там, в верхнем мире, претерпев мучения, Джангар представляется ханше-жене Кюрюл Эрдени как “Нижней Бумбы-страны властелин”, он говорит о себе “Из земного, нижнего мира, из Бумбы-страны я”³. Когда же Джангар попадает в нижний мир, то обитатели нижнего мира – бесы или шулмусы говорят: “Появился здесь Джангар, Кто вышней Бумбы сновиденьем стал” и обращаются к нему: “Ну, Джангар, сновиденьем ставший В Бумбе, стране верхнего мира”⁴. Таким образом положение страны Бумбы в той модели мира, которая строится из расположенных друг над другом ярусов, определяется с абсолютной строгостью, в какую бы сферу мироздания ни переносилось действие эпоса – в верхние или нижние миры. В одной из песен “Джангара” упоминаются семь нижних миров и двенадцать вышних миров⁵, что служит дополнительной иллюстрацией отражения многоярусной модели мира в калмыцком эпосе.

В целом страна Бумба может отождествляться со средним миром как основной сферой действия эпического повествования, и соответственно – с миром людей. Однако страна Бумба в “Джангаре” – это не только весь средний мир, но, в особенности в том случае, если мироздание уже не членится в эпическом повествовании на разные пространственные сферы, это еще и государство, противопоставляющееся другим государствам или землям других владык. Джангар в своих странствиях, в которых он не покидает среднего мира, прибывает во владения хана Замбала, и тут из текста эпоса выясняется, что у хана Замбала есть своя страна Бумба⁶ – впрочем, возможно, что на самом деле в оригинале здесь речь идет о другой стране, принадлежащей другому правителю, но находящейся все в том же “бумбайском” среднем мире. Еще один аргумент в пользу того, что страна Бумба, владение Джангара есть только какая-то часть среднего мира – это наличие у нее своего духа-хранителя, в котором можно видеть духа-хозяина местности: именно к

этому духу-хранителю несколько раз обращается с молитвами богатырь Мингъян⁷. Эти детали весьма интересны и чрезвычайно важны для изучения перспективы изменения мировоззренческих характеристик героев «Джангара»: если Мингъян является настоящим анимистом и обращается к духу-хозяину местности, то другие богатыри выступают как ламаисты: Санал перед совершением подвигов поклоняется бронзовому божеству⁸, Джангар совершает молебен за своих богатырей в «бумбайском хуруле»⁹; Хонгор, отправляясь на подвиг, объезжает хурул¹⁰, Савар объезжает сто тысяч хурулов перед тем, как войти во дворец ханов страны Шаргули¹

Страна Бумба в песнях «Джангара» характеризуется как «Священно-прекрасная страна»; после того, как богатыри совершают свои подвиги, «Бумбайская страна, как и прежде, В мире и благоденствии пребывает»². Эта богатырская страна Бумба – богатырская страна имеет свой клич-уран и знамя желто-пестрого цвета, в нее доставляют пленников и добычу, пленника метят тамгой бумбайской страны³. Сам Джангар представляется идеальным правителем и устроителем государства: «Вера в их Бумбайской стране Подобно солнцу, сияет, Мирское правление стало крепким, как скала. Под покровительством хана Джангара В счастье, блаженстве все пребывают»⁴, «люди его ханства делают родовитыми сирот, бедных-богатыми»⁵. Страна Бумба обязана своим благополучием необыкновенному талисману – камню-скале с именем Менген-Джиндмин, похожей на голову коня и находящемся в одной из множества рек. Как говорится в тексте эпоса, «Благодаря Мерен-Джиндмин, Этому драгоценному камню, В стране Джангара Счастливы все: Вплоть до сироты и бездомной собаки»⁶. Очевидно, что благополучие и процветание страны Бумбы обусловлены не только мудростью и добродетелями правителя, но они имеют и иррациональные основы, связанные со сверхъестественной силой культовых объектов, причем таких архаических объектов, как камни, напоминающие по форме людей или животных.

Однако в стране Бумбе совершенны не только государственное устройство и правитель. – Это страна, где нет холода и жары, где люди не знают, что такое старость: «Его <Джангара> страна бессмертна, вечна, Ее люди всегда в облике двадцати пяти лет пребывают, Там зимой – по-весеннему, летом же – по-осеннему, Нет хо-

лодов, чтобы мерзнуть от них, Нет изнурительной жары. ... “Их страна бессмертна, вечна”¹⁷.

Очень интересны характеристики героев “Джангара” – обитателей страны Бумбы, в которых выражаются представления об идеальном возрасте человека и животных. Когда Джангар взял в жены прекрасную Ага Шавдал, ей было 16 лет, а самому Джангару – 20 лет; Жена богатыря Савара по имени Ангир Улан имеет возраст 18 лет; богатырь Хонгор родился у своей матери Шилтэ Зандан Гэрэл “в расцвете ее двадцати двух лет”, сам Хонгор пребывает “в расцвете своих восемнадцати лет”¹⁸. Расцветом жизни правителя страны Бумбы считается возраст в 40 лет: “Едва Джангару сорок исполнилось лет, Страны четырех частей света Власти своей подчинил он”¹⁹. Столь же выразительны и столь же определенны идеальные возрастные характеристики богатырских коней в разные периоды их жизни: кобылица богатыря Савара по имени Кюрюнг-Галзан куплена в годовалом возрасте за миллион семейств, конь Аранзал Зэрде, на котором ездит Джангар, имеет возраст в семь лет (кажется, что он навечно остался в том возрасте, когда женился его хозяин), и этот конь родился от пятилетней кобылицы²⁰. Такие указания – кстати, уникальные для героического эпоса – подчеркивают физическое совершенство богатырей, их жен и их коней, и истоки этого совершенства заключены не в каких-либо сверхъестественных свойствах, а в оптимальной реализации того потенциала, который заложен природой во все живое, и это физическое совершенство героев наследуется от предшествующих поколений при соблюдении совершенно определенных условий, которые как бы прописаны в эпическом тексте.

Комментаторы и исследователи эпоса “Джангар” в течение длительного времени полагают, что в нем выразилась “мечта о счастливой стране Бумбе, где все люди равны”²¹. Это конъюнктурный домысел: в “Джангаре” почти нет героев из числа простых людей, за исключением некоторых фигур со статусом статистов или сказочных персонажей. Мечтой создателей такого эпоса могли быть только комфортная природная среда и стабильная государственность с мудрым правителем, который защищает своих подданных от врагов, но не вмешивается в их жизнь – мы нигде не видим Джангара занятым внутригосударственными делами.

Образ страны Бумбы в калмыцком героическом эпосе “Джангар” оказывается довольно сложным. Наиболее архаические мотивы

вы: связанные с этим образом, побуждают видеть в стране Бумбе средний мир – мир людей, противопоставляющийся по крайней мере двум иным мирам, населенным демонами (верхнему и нижнему), и только в некоторых контекстах это понятие суживается до определенной местности, которая имеет своего духа-хозяина, духа-покровителя. Возможно, что это пространственное ограничение сыграло роль в преобразовании страны Бумбы из местности в государство - владения Джангара. Истоки идеализации мира страны Бумбы и ее жителей, как представляется, разнообразны. Отчасти это постепенное распространение эпической гиперболизации на все детали повествования и ее перенос с положительных качеств эпического героя, его физической силы, вооружения, снаряжения и жилища на внешний мир - природу, образцы искусства и т.д. В какой-то мере в идеализации всего живого и неживого, что имеется в стране Бумбе, играет роль ее противопоставление верхнему и нижнему миру, где живут демоны, – противопоставление, которое усиливается нарочитым контрастом. Возможно, свою роль в насыщении страны Бумбы идеальными и при этом ирреальными чертами сыграли сказочные мотивы, проникшие в эпос “Джангар”. С учетом сказанного можно говорить о том, что представления о стране Бумбе как о замкнутом мире внутри некоего священного сосуда, соотносимые с буддийскими религиозными понятиями, являются наиболее поздними и по существу не имеют поддержки в тексте эпоса.

Противопоставление моральных и правовых норм, которых придерживаются жители страны Бумбы в сравнении с нравами обитателей иных миров, можно проиллюстрировать интересным наблюдением. И сам Джангар и его богатыри имеют по одной жене, хотя многоженство у калмыков реально имело место, и было допустимым даже много лет спустя после сложения «Джангара»²². Но в “Джангаре” многоженство – это черта, характерная не для жителей страны Бумбы, а для обитателей иных миров; так, живущий в верхнем мире хан Кюрюл-Эрдэни имел трех ханш²³. Видимо, с нормами моногамного брака у жителей страны Бумбы связан и следующий эпизод «Джангара»: богатыри хотят отдать Мингъяну в жены девушку-красавицу, превосходящую своей красотой даже супругу Джангара Ага Шавдал и помогавшую Мингъяну одолеть хана Кюрмена, но Мингъян отказывается («Эта девушка жизнь мне спасла,

Как же ее я в супруги возьму?», и девушку отдают замуж за Аля Шонхора, сына богатыря Алтан Чэджи²⁴. Возможно, что дело тут не в заслугах девушки перед Мингъяном, а в том, что у Мингъяна имеется жена и дочь – об этом говорится в двух местах той же самой версии «Джангара», в том числе однажды в той самой песни, в которой встречается и рассмотренный выше эпизод с отказом Мингъяна от приобретения жены²⁵.

Сам эпос «Джангар» записан в основном корпусе довольно поздно – в начале XX века (версия, исполнявшаяся сказителем Ээлян Овла и записанная от него), более ранние записи песен «Джангара» не давали той монументальной общей картины, какую мы имеем в наши дни, как не дают ее и позднейшие записи отдельных песен «Джангара». На момент записи «Джангара» в культуре калмыков еще не отмечалось процесса миграции культурных понятий из одного вида искусства в другие виды искусства или какие-либо иные сферы духовной культуры, выражающегося по преимуществу в визуализации персонажей словесного искусства за счет средств изобразительного искусства или театра. Процесс интеграции эпоса «Джангар» в другие формы культуры начался в конце 30-х годов 20 века, во-первых, по причине интеграции этнической культуры в советскую культуру и активного проявления отмеченной выше визуализационной детерминанты, во-вторых, в связи с подготовкой празднования 500-летия эпоса «Джангар». Немалую роль в переосмыслении образа страны Бумбы сыграли появление авторской литературной обработки эпоса «Джангар», осуществленной Б.Басанговым, и стихотворные переводы «Джангара» на русский язык, в основе которых лежала эта обработка. Политическая конъюнктура того времени связывала образ идеального правителя с современной действительностью, и соответственно имелось стремление увязать представления об идеальной эпической стране Бумбе с реалиями тогдашней современности. В немалой степени этому способствовало то, что образ идеальной страны был, почерпнут не из религиозного вероучения, а из светского фольклора, из героического эпоса, отличающегося высокой художественностью. Такая установка продолжала действовать и во второй половине 20 века: книга писателя А.Бадмаева «Страна Бумба» возвышенно описывала реальность советской Калмыкии времен 60-х-70-х годов и явственно была пред-

назначена отождествлять современную действительность с эпической мечтой народа. В конце 80-х годов 20 века во время празднования 550-летия эпоса “Джангар” вековые мечты калмыков о стране Бумбе наполнялись новым содержанием. В принципе этот процесс мог бы быть бесконечным – но тут надо сделать одну оговорку: в период с 1943 по 1958 год калмыки были депортированы в Сибирь, вследствие этого образ идеальной эпической страны после 1943 года едва ли мог реально соотноситься с тем, что пыталась делать официальная пропаганда. Как можно судить, в зарубежной калмыцкой диаспоре (Чехословакия, Франция, США), представители которой, без сомнения, были знакомы с “Джангаром”, образ страны Бумбы в ассоциациях с какими-либо конкретными реалиями, а тем более – советскими реалиями, популярен не был⁶.

Необычность страны Бумбы в типологии образа рая – то, что эта страна хоть и принадлежала героическому эпосу, который сохранял отдельные мифологические черты, но была для эпических героев местом постоянного обитания, которое насыщено легко узнаваемыми и достаточно прозаическими бытовыми реалиями. Идеальные черты страны Бумбы установлены неизвестно кем – отчасти они обусловлены могущественной сверхъестественной силой камня-талисмана страны, и только во вторую очередь добродетелями правителя страны – Джангара. Герои эпоса не стремятся попасть в страну Бумбу как в вожделенный обетованный мир – они просто там живут: перемещение в другой мир (верхний или нижний) всегда сопряжено с драматическим конфликтом и опасностями. Вместе с тем эпическая страна Бумба с развитием культуры этноса все же не становится этнической утопией, хотя именно в этом направлении – в направлении превращения образа древней эпической страны в национальный утопический рай действовала официальная этнически ориентированная идеологическая пропаганда. Трудно однозначно сделать вывод о том, насколько в формировании представлений о стране Бумбе как об идеальной стране реализовались ламаистские религиозные представления калмыков – однако ясно, что после сложения основного корпуса эпоса “Джангар” в дальнейшем понятия об идеальной эпической стране Бумбе у калмыков уже не имели значимой связи с религиозными представлениями. Складывается впечатление, что ламаизм, выступаю-

6. Монголов-е., № 2. Сб. научн. гр.

щий в качестве государственной религии в стране Бумбе, относится к тем компонентам, которые приобрел героический эпос калмыков уже после своего сложения.

¹ См.: Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской народной словесности. Л., 1926. С. 159; Джангар. Малодербетская версия. Элиста, 1999. С. 246-247.

² Козин С. А. Джангариада. М., Л., 1940. С. 75; Джангар. Калмыцкий героический эпос. М., 1990. С. 394, 453.

³ Джангар. Малодербетская версия. Элиста, 1999. С. 139, 143, 151.

⁴ Там же. С. 229, 231.

⁵ Там же. С. 123.

⁶ Джангар, М., 1990. С. 211.

⁷ Там же. С. 280, 295, 296, 297.

⁸ Джангар. Эпический репертуар Мукебюна Басангова. С. 105.

⁹ Джангар, М., 1990. С. 307.

¹⁰ Там же. С. 245. В версии Мукебюна Басангова Хонгор, отправляясь на подвиги, объезжает сто белых хурулов (Джангар. Эпический репертуар Мукебюна Басангова. С. 61).

¹¹ Джангар, М., 1990. С. 323.

¹² Джангар. Эпический репертуар Мукебюна Басангова. Элиста, 1988. С. 14, 153.

¹³ Джангар, М., 1990. С. 262, 317, 270.

¹⁴ Там же. М., 1990. С. 288-289.

¹⁵ Джангар. Эпический репертуар Мукебюна Басангова. С. 44.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ Джангар, М., 1990. С. 197, 206.

¹⁸ Там же. С. 199, 348, 201, 221, В одной из песен, где супругой Джангара названа Ага Герензел, она имеет возраст в 17 лет (Там же. С. 349). В другом месте говорится, что Джангару пожаловали в жены Ага Шавдал, когда ему было 7 лет (Там же. С. 205), но это ошибка или дефект записи: по другим песням, семилетний возраст имел конь Джангара Аранзал Зэрде на момент женитьбы своего хозяина (Там же. С. 348). У М. Басангова матерью Хонгора названа ханша Кюджи-Герел, дочь Ловсрги, но и ей на момент рождения Хонгора было 22 года (Джангар. Эпический репертуар Мукебюна Басангова. С. 25).

¹⁹ Джангар. Эпический репертуар Мукебюна Басангова. С. 99.

²⁰ Джангар, М., 1990. С. 201, 345; Джангар. Эпический репертуар Мукебюна Басангова. С. 19.

²¹ См., например: Джангар. Эпический репертуар Мукебюна Басангова. С. 5.

²² См.: Батмаев М. М. Калмыки в XVII-XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1992.

²³ Жангар. Малодербетская версия. С.139.

²⁴ Жангар. М., 1990. С.303.

²⁵ Там же. С.273, 291.

²⁶ См.: Борисенко И.В., Горяев А.Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста, 1998.

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

А.В. Цюрюмов

Реформа Зарго и эволюция института ханской власти

В начале XVII века часть ойратов появилась на территории России и образовала во второй половине века Калмыцкое ханство. В калмыковедении картина взаимоотношений России и калмыков представляется несколько статичной. Между тем на протяжении XVII - XVIII вв. они постепенно видоизменялись. Изменение их характера определялось, прежде всего, эволюцией государственного строя России в сторону абсолютной монархии, изменением ее геополитических интересов и целей, а также трансформацией традиционных институтов кочевой государственности в условиях вассалитета в составе России.

Среди важнейших государственных институтов Калмыкии главное место занимает Зарго, которому в исторической литературе уделено значительное внимание. Первое полное повествование о предназначении суда Зарго имеется в работе В.М. Бакунина «Описание калмыцких народов»¹. Подробный анализ реформы суда мы находим в работе М.М. Батмаева, описавшего место традиционного суда Зарго в общественном строе калмыков².

Характер русско-калмыцких отношений в первой половине XVII века позволяет характеризовать их как протекторат России над калмыцкими улусами. Отношения двух сторон не нарушали суверенитета калмыцких феодалов. За калмыцкой стороной сохранялась старая административная система управления без введения российских основ государственности. Калмыцкие ханы сохраняли наследственную власть, им предоставлялось внутреннее самоуправление